

ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРА «МЕДВЕДЬ» В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ

А.В. Дыбо, Е.В. Никуленко

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному исследованию зооморфных метафорических переносов на основе зоонима «медведь» и его эквивалентов в русском, английском, татарском, хакасском, тувинском и алтайском языках. Рассмотрены основные особенности зооморфных метафор, а также их классификация по типам соотношения образной семантики. Цель данной работы – выявление общих и национально-специфичных механизмов метафоризации, свойственных исследуемым языкам, а также объяснение их функционирования в рамках лингвокультурологического подхода. Исследование зоометафор является продуктивным, поскольку подобные метафоры сохраняются в языке в течение длительного времени, а также представляют один из самых многочисленных типов метафор. Существование большого количества зооморфных метафор можно объяснить тем, что для человеческого сознания (как для примитивного, так и для развитого) естественно познавать окружающий мир, сравнивая его со своими ощущениями и самим собой. Поэтому зооморфным метафорам свойственна своеобразная дуальность: мы используем антропоморфные термины, чтобы описывать поведение и внешний вид животных, и зооморфные, чтобы описывать внешность людей и других объектов (например, растения или орудия). Ассоциативные связи между образом человека и животного могут быть двух типов: универсальными или фреквентальными (характерные для большинства или всех языков) и специфическими. Исследования зооморфных метафор является неотъемлемой частью изучения языковой картины мира. В зоониме закодированы ключевые культурные, психологические, социальные и ментальные черты, которые характеризуют конкретное языковое сообщество и его культуру. Подобные метафоры отличаются высокой эмоциональной маркированностью, так как образ, являющийся основой такого метафорического переноса, – всегда самый яркий, самый типичный и легко считываемый любым представителем конкретной лингвокультуры. Существование метафор с тождественными переносными значениями указывает на универсальность когнитивных процессов у представителей исследуемых культур. Такие метафоры всегда имеют в своей основе наиболее стереотипные ассоциации. Однако при сравнении языкового материала из разных языковых семей очевидно, что специфические метафорические переносы занимают доминирующее положение, тем самым подтверждая гипотезу об уникальности и неповторимости отдельных когнитивных механизмов, присущих представителям любого языкового общества.

Ключевые слова: зооморфная метафора; зооним; концепт; языковая картина мира.

Введение

В современной лингвистической традиции метафору рассматривают как универсальный когнитивный механизм концептуализации и категоризации действительности. В основе метафоры лежит механизм ассоциативного отождествления, когда признаки одного предмета или явления переносятся на другой предмет или явление на основе какой-либо аналогии. Исследование метафоры было и остается одним из наиболее актуальных направлений в области когнитивной лингвистики, поскольку лингвисты получают возможность изучить особенности национальных картин мира сравниваемых языков и, соответственно, исследовать универсальные и частные принципы процессов метафоризации в различных лингвокультурах. Выделение общих и специфичных механизмов метафоризации в сравниваемых языках также позволяет нам работать на стыке нескольких научных направлений: сравнительно-исторического языкознания, лингвокультурологии и когнитивистики, тем самым отвечая принципу междисциплинарности, что является отличительной чертой современной лингвистической парадигмы.

Данная статья посвящена исследованию зооморфных метафор с компонентом-зоонимом «медведь» в татарском, хакасском, тувинском, алтайском, русском и английском языках в рамках лингвокультурологического подхода. В статье анализируются значения концепта «медведь» в упомянутых языках, выделяются универсальные и национально-специфичные особенности репрезентации зоометафор и зоонимов. Актуальность исследования переносов с данным зоонимом обусловлена их ярко выраженной частотностью и сильной эмоциональной маркированностью в упомянутых языках. Кроме того, образ медведя занимает исключительное положение в фольклоре, мифологии, геральдике и религиозных текстах данных языков, что подтверждает его ключевую роль в формировании языковой картины мира исследуемых культур.

Методология

Методологически исследование основывается на работах крупнейших отечественных и зарубежных когнитивистов, в частности, на следующих фундаментальных трудах: на когнитивной теории метафоры, разработанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [1], работах А. Вежбицкой [2, 3], а также таких исследователей, как Н.Д. Арутюновой [4] и О.И. Глазуновой [5]. При работе с материалом языков Южной Сибири мы опирались на работы тюркологов А.В. Дыбо [6] и И. Хауэншильд [7].

Зооморфная метафора считается одной из самых распространенных моделей метафорической номинации, где какой-либо признак жи-

вотного выступает в качестве «сферы-источника», а человек является «сферой-мишенью» такого метафорического переноса (в терминах Дж. Лакоффа [8]). В процессе познания окружающего мира человек склонен анализировать действительность и сопоставлять с самим собой, вследствие чего происходит антропоморфизация окружающих его объектов и явлений. Так, мы наделяем животных теми же моделями отношений, что существуют между людьми, и, наоборот, приписываем людям характеристики, свойственные животным. Ассоциативные связи, возникающие между образом человека и образом животного, являются частью языковой картины мира. Среди этих связей можно выделять универсальные / фреквентальные (если данный метафорический перенос наблюдается во всех / многих языках) и специфические для каких-то языков; последние – если они связаны с национальными языками – можно определить как национально-специфические [9. С. 134].

Исследователи считают, что изучение зооморфной метафоры является ключевым для понимания национальной картины мира, поскольку, во-первых, «метафора представляет собой динамический процесс производства нового знания в определенной культуре» [10. С. 68], в то время как «зооним отражает различия в национально-культурных представлениях, психологических, ментальных и социальных особенностях и разнообразных обычаях, присущих определенному языковому сообществу и культуре в целом» [11. С. 71].

Известно, что зоометафора может существовать в двух формах: в качестве отдельной лексической единицы – зоонима, имени животного, которое используется в определенном метафорическом значении для характеристики человека (рус. *медведь*, англ. *a bear*), и как компонент фразеологических единиц (ФЕ) (англ. *as gruff as a bear*, рус. *неуклюжий как медведь*). Зооним как метафора всегда эмоционально маркирован: при формировании зооморфного метафорического переноса немалую роль играет стереотипизация, т.е. в основу зооморфной метафоры закладывается самый яркий образ, наиболее характерный для данного животного, который говорящий может легко идентифицировать. Многие исследователи также отмечают тот факт, что в большинстве случаев зоонимы обладают отрицательными оценочными коннотациями [9. С. 134].

При классификации зоометафор по типам соотношения образной семантики в сравниваемых языках выделяются следующие случаи: а) тождественность переносных значений у эквивалентных по таксономическому значению зооморфизмов; б) случаи частичного совпадения – у сопоставляемых эквивалентных по таксономическому значению зооморфизмов сходны одни семантические компоненты и различны другие; в) случаи полного расхождения значений эквивалентных по таксономическому значению зооморфизмов в сравниваемых языках [Там же. С. 135].

Для выделения универсальных и специфических черт при использовании зоонима «медведь» в исследуемых языках, а также выделения особенности реализации зоонима в картинах мира изучаемых языков, было проанализировано более 150 словарных статей толковых словарей, фразеологических словарей, словарей идиом и пословиц и лингвокультурологических словарей по исследуемым языкам, а также более 100 контекстов в Британском национальном корпусе, Историческом корпусе американского английского и Национальном корпусе русского языка. В рамках исследования применялись приемы семантического анализа (в частности, метод словарных дефиниций и компонентный анализ), а также контекстологический, этимологический и сравнительно-исторический анализ.

Исследование и результаты

Семантика зоонима, как и вообще семантика предметной лексики, является предметом дискуссии у теоретиков (см. по этому поводу [3. Р. 86]). Мы придерживаемся подхода, высказанного А.В. Дыбо [6], о наличии в семантике таких слов «топографических» (относящихся к внешним свойствам предмета) и «функциональных» компонентов; последние, в соответствии с общей антропоцентрической направленностью процесса номинации, связаны с местом данного объекта в повседневной человеческой практике.

Сообразно географическому расположению основных ареалов, населенных носителями рассматриваемых языков, наиболее распространенным у всех них является бурый (обыкновенный) медведь *Ursus arctos* – один из самых крупных существующих наземных хищников (средние показатели массы и длины тела – около 200 кг и 2 м для взрослой особи, т.е. существенно больше человека). Это животное с массивным телом, относительно короткими мощными пятипалыми лапами с большими невяжными когтями (соответственно, следы похожи на человеческие), коротким, едва заметным хвостом. Шерсть бурая, цвет сезонно практически не меняется. Половой диморфизм внешне не выражен. Обитает преимущественно в лесу, тип обитания территориальный (с большими участками), одиночный (кроме медведиц с медвежатами до двух лет). Всеядное, рацион на 3/4 растительный; падальщик. Ярко выражена сезонная цикличность жизни (зимняя спячка; при этом медведь в спячке легко пробуждается и в этом состоянии чрезвычайно опасен – стремится восстановить жировой запас за счет мяса). Промысловое значение медведя невелико (хотя шкура и мясо используются в хозяйстве; желчь и жир – в традиционной медицине). Видимо, более заметен для человека как вредитель: повреждает посевы, разоряет пасеки и нападает на домашних животных. Охота на него чрезвычайно опасна, даже с современным оружием [12].

Если посмотреть на русскую фразеологию, особенно поговорки, то хорошо заметно, что ряд описанных свойств реального медведя в них отражается.

Прежде всего, это крупный размер и большая сила. Практически все переносы на артефакты актуализируются через значение «крупный размер». Так, например, слово *медведка* имеет следующие значения: 1) обрубок толстого дерева, вкапываемый в землю на берегу сплавной реки для укрепления запяны; 2) плотничий струг, которым работают двое рабочих; 3) низкая телега, дроги на катках для перевозки больших тяжестей. Так же медведкой называют насекомое отряда прямокрылых из-за больших относительно общего размера тела «лап» с когтями, которые используются для рытья.

В русских поговорках данный концепт реализуется через следующие признаки: а) сила (*правит, как медведь в лесу дуги гнет; медведя поборошь*); б) спячка (*силен медведь, да в болоте лежит*); в) хищность (*медведь корове не брат; волк режет скотину, а медведь дерет; кого медведь драл, тот пня боится*); г) одиночка, нестайное животное (*медвежий угол*) [13]. Анализ контекстов по запросу «медведь» из Национального корпуса русского языка и анализ дефиниций и ФЕ на материале Словаря современного русского литературного языка [14. С. 87–89] также показывает, что данный зооним используется для характеристики: а) большого размера (*медведь на ухо наступил*); б) силы, опасности (*делит шкуру неубитого медведя; медвежатник – взломщик сейфов*); в) одиночности (*медвежий угол*); г) пугливости (*медвежья болезнь*).

По отношению к людям размер и одиночность также используются как признаки метафоризации: а) необычайно сильного и большого человека (*силен как медведь; Ермишин на пляже – это монстр с огромными ручищами, медведь*); б) угрюмого и нелюдимого человека (*смотреть медведем; живет один, как медведь в берлоге*).

Но самая частотная для русского языка метафоризация отражает представление о медведе как о неуклюжем и отчасти смешном по своему существу: медведь – неловкий, неповоротливый человек; медвежеватость – неуклюжесть (ср. детали толкования в МАС [Там же]):

МЕДВЕДЬ, -я, м.

2. Разг. О крупном, сильном, но грузном и неуклюжем, неловком человеке. Когда Сергей подошел к Ирине, она встала и сказала: – Эх, медведь! Руки – как грабли... Еще уронишь [ребенка]! Бабаевский, Кавалер Золотой Звезды. – Алеша, братишка, ты ли? Ох, раздавил меня, медведь! Да откуда ты такой взялся! Ты же маленький был. Николаева, Жатва. || О невоспитанном человеке. [Хлестаков:] К ним если приедет какой-нибудь --- помещик, так и валит, медведь, прямо в гостиную. Гоголь, Ревизор. Новый начальник --- имел репутацию медведя в обращении. Л. Толстой, Анна Каренина.

МЕДВЕЖЕВАТЫЙ, -ая, -ое; -ва́т, -а, -о. Разг. Неуклюжий и неловкий. Лука кладет бич, заматывает вожжи и немного неуклюже, с медвежатой манерой слезает на мостовую. Короленко, Наши на Дунае. Сопровождал ее огромного роста медвежатый старик. Фадеев, Молодая гвардия.

МЕДВЕЖОНОК, -нка, мн. -жа́та, -жа́т, м.

2. Разг. О человеке (обычно молодом), чем-л. напоминающем это животное. Неизвестно, чем бы кончилась эта история, если б медвежонок [слуга] в полуфраке не уронил --- десертную тарелку. Герцен, Кто виноват? – Сам-то медвежонок, а туда же лоску учит. Достоевский, Подросток.

Медвежья услуга – неумелая услуга, причиняющая только неприятность (выражение стало употребляться после выхода в свет басни И.А. Крылова «Пустынник и Медведь»). Но и сама басня тоже отражает это представление о неуклюжем и глуповатом существе.

В традиционном русском фольклоре медведь – один из наиболее популярных персонажей сказок, которого представляют, как простоватого и добродушного, гораздо реже – злобного и мстительного.

В русской культуре антропоморфизированный медведь является одним из самых распространенных персонажей: этот образ активно используют в мультипликационных фильмах («Смешарики» 2003, «Маша и медведь» 2009) он является одним из ключевых героев в традиционном русском фольклоре («Лиса и медведь», «Медведь – липовая нога», «Медведь и собака»). Несмотря на изменения, которые данный образ претерпел с течением времени, общие черты все еще можно проследить: для русского человека медведь – это, в первую очередь, сильный, но глуповатый зверь, обычно по сюжету – жертва обмана. Неуклюжесть в принципе связана в русском сознании с большим размером (ср. слон в посудной лавке; заметим, что, например, в санскрите *gaḥa-gaṃini* «ходящая как слон» – эпитет женщины с изящной походкой). Но здесь, похоже, повлиял другой фактор.

Известно, что в России ареал бурого медведя занимает практически всю лесную зону, в то время как в остальных регионах мира этот вид либо вымер, либо крайне малочислен [12. С. 96]. Медведь как промысловый зверь был важен для Российского государства на всех этапах его развития, и охота на медведя всегда считалась национальной традицией, что отразилось, например, в классической русской литературе (у Л.Н. Толстого в «Анне Карениной» медвежья охота – специфично русское развлечение для знатного иностранца) [15. С. 423]. А «медвежья потеха», культурно специфический вид развлечения, была популярна вплоть до XX в. Медвежья потеха считалась «царской забавой», и хотя подобные развлечения проводились во многих странах Европы в Средние века, именно на Руси медвежьих представления приобрели осо-

бенное культурное значение и развились в целую театральную систему. Так, в отличие от медвежьих боев в средневековой Англии, медвежья потеха состояла из трех жанров: травля (на медведя натравливали собак), бой (медведи сражались между собой или человек выходил против медведя) и комедия (цирковое представление). Предполагается, что все эти три вида развлечений должны были входить в одно представление, которое, вероятно, начиналось комедией, продолжалось травлей и заканчивалось уже трагедией – боем. Медвежья комедия, в свою очередь, также является национально специфичной забавой, распространенной в России, Речи Посполитой и Венгрии. Именно медвежья комедия могла существенно повлиять на формирование стереотипного образа медведя в русской национальной картине мира, поскольку в рамках этой традиции медведь представал не как агрессивный хищник, но как смешной неуклюжий гигант, которого человек смог укротить [16. С. 836].

Следует отметить, что в праславянском языке слово **medvědъ* (поедатель меда) возникло из-за табуированности изначального названия животного **rkpos*, имеющего индоевропейское происхождение [17. С. 589]. В данном случае табуированность обусловлена страхом перед данным хищником и желанием избежать встречи с ним. Следовательно, образ смешного и неуклюжего существа – явный результат довольно позднего развития.

В английском языке (как и в общегерманском) название медведя также представляет собой исторически табуистическую замену: слово *bear* произошло от прагерманского слова **bero* (букв. коричневый). Этимологи полагают, что номинация животного на основе его цвета гораздо древнее и уходит в праиндоевропейский язык к общему корню **bheros* (букв. темное животное) вместо праиндоевропейской формы **rkpos* [18].

Анализ ФЕ и поговорок из Словаря английский выражений и Оксфордского словаря поговорок [19–21], а также анализ контекстов по запросу «bear» в Британском национальном корпусе и Историческом корпусе американского английского показывает, что носители английской лингвокультуры воспринимают медведя следующим образом (в порядке уменьшения частотности): а) голодный зверь (*as hungry as a bear* – голодный, как медведь; очевидно, речь идет о медведе в наиболее опасном состоянии, после выхода из зимней спячки); б) угрюмый, агрессивный зверь (*as gruff as a bear* – сердитый, как медведь; *like a bear with a sore head* – словно медведь с головной болью; *growl like a bear* – рычать, как медведь); в) сладкоежка (*busy as a bear in a beehive* – занят, как медведь в улье); г) ленивое животное (*busy as a hibernating bear* – занят, как медведь в спячке); д) сильный и большой (*as strong as a bear* – силен, как медведь; *as big as a bear* – большой, как медведь; *in*

a bear's hug – в медвежьих объятиях). Все эти примеры указывают на то, что медведя в англоязычной культуре, в первую очередь, воспринимают как хищника, опасное животное, что и обуславливает отрицательную эмоциональную маркированность данного зоонима. Следует отметить, что большее количество идиом и коллокаций с зоонимом *bear* было найдено в американских источниках. Это легко объяснимо: на территории США встреча с медведем, во всяком случае, в течение XIX – первой половины XX вв. – вполне реальное явление, в то время как в Британии медведя в естественной среде обитания встретить нельзя.

Сам зооним, вне состава ФЕ, используется в следующих переносных значениях: а) грубый, невоспитанный, неотесанный человек (*if I make a mistake he goes mad with rage – he's a bear* – если я совершу ошибку, он сойдет с ума от злости – настоящий медведь); б) большой, неуклюжий человек (*a lumbering bear of a man* – неуклюжий, словно медведь, человек); в) человек, который продает акции перед падением фондового рынка, чтобы выкупить их позже по сниженной стоимости. Последний перенос используется с 1709 г. и является производным от выражения *bearskin jobber* (тот, кто продает медвежьи шкуры), что в свою очередь произошло от поговорки *sell the bearskin before one has caught the bear* (продать шкуру медведя до его поимки).

Как и в русском языке, концепт «bear» имеет довольно разнообразную периферию. В таких зооморфных метафорах, как *a bear market* (состояние рынка, где цены падают более чем на 20%), *skin the bear at once* (перейти к делу, т.е. говорить о чем-то прямолинейно), *a mind like a bear trap* (острый, словно медвежий капкан, ум) «сферой-мишенью» метафорического переноса выступает не сам человек, а определенные виды его деятельности, и перенос связан с охотой на медведей.

В свою очередь, в современном английском переносная репрезентация зоонима *bear* относительно ограничена, что могло быть вызвано рядом факторов. Так, на Британских островах бурый медведь вымер много сотен лет назад, как утверждает профессор археологии Ханна О'Реган из университета Ноттингема [22], и большая часть людей не могла взаимодействовать с этим хищником в дикой природе, что и объясняет сравнительно небольшое количество ФЕ и поговорок с данным зоонимом. Однако нельзя отрицать, что «медвежьи потехи», так называемые *bear-baiting*, были весьма популярны в Англии до середины XIX в. среди придворной знати. Предполагается, что эту традицию британцы переняли у римлян на заре нового тысячелетия, когда большая часть территории современной Великобритании находилась под контролем Рима. Логично предположить, что медвежьи бои оказали значительное влияние на формирование стереотипного образа медведя в британской национальной картине мира, который прослеживается во многих поговорках и идиомах и по сей день [23].

Согласно данным этимологического словаря [24], с 1794 г. образ медведя прочно ассоциируется с Россией, в источниках масс медиа часто используется в качестве эвфемизма, что обусловлено как непростым положением России на международной арене, так и существующими стереотипами о русских, сложившихся у европейского международного сообщества. На протяжении многих лет этот образ активно эксплуатировался Западом в зарубежных СМИ и его интерпретация напрямую зависела от характера политических отношений между Россией и внешним миром: в один момент медведь представлял неуклюжим и глупым гигантом, не осознающим свою силу; во времена политических конфликтов медведя изображали как свирепого хищника, всем открыто демонстрирующего агрессию [25]. Относительно происхождения этих ассоциаций существуют многочисленные исследования [26]; вкратце можно суммировать их следующим образом. Во-первых, имеется известное свидетельство С. Герберштейна о том, что во время голодной зимы 1526 г. медведи заходили на улицы русских городов, которое на протяжении последующих ста лет повторялось другими писателями и превратилось в расхожий анекдот. Во-вторых, поставки дрессированных медведей для ярмарочной потехи в Европу, в первую очередь в Англию, происходили в основном из России, и в XVI веке зафиксировано представление о том, что скоморохи с медведями – это шпионы московского великого князя. «Русский медведь» упоминается у Шекспира [27. С. 435]. Такие черты, как неуклюжесть, глуповатость и подчиненность человеку, связаны, очевидно, с представлением о дрессированных медведях (см., например, [28]).

Существует еще одна своеобразная черта, характеризующая образ медведя как в англоязычной, так и в русскоязычной культуре: и в русском, и в английском языке есть название игрушки «медвежонок» (англ. teddybear), которое характеризуется ярко выраженной положительной эмоциональной маркированностью. В начале XX в. игрушка «teddy bear» (плюшевый медвежонок) стала невероятно популярна, а впоследствии превратилась в своеобразный символ детства во всем мире. Игрушку называли Тедди в честь президента США Теодора Рузвельта, который пожалел черного медведя и отказался стрелять в него во время медвежьей охоты. История сразу же попала в газеты в виде карикатуры, где медведя изобразили как маленького симпатичного медвежонка, который и вдохновил жену Морриса Мичтома, владельца магазина игрушек, на создание первого плюшевого медвежонка [29]. Уже после этого плюшевый медвежонок Винни Пух, выдуманный английским писателем А. Милном в 1926 г. (в Англии плюшевых медведей стали выпускать с 1908 г.), также значительно повлиял на образ медведя во всей Европе, став одним из самых популярных героев детских историй того времени. В английском языке такое восприятие зафиксиро-

ровалось следующим образом: *teddybear* – это человек, который кажется страшным и огромным, но на самом деле очень мягкий и милый. С 1930-х г. начинается история массового производства мишек с подвижными лапами в СССР (возможно, это связано с началом публикации в журнале «Мурзилка» (с 1939 г.) переводов отдельных глав из книги Милна). Частично совпадающую по значению метафору *медвежонок*, однако, мы, как можно видеть выше, находим в русском языке значительно раньше всей истории с *teddybear*, в произведениях Герцена и Достоевского.

В тюркских языках, распространенных на территории Южной Сибири, мы также находим значительные зоны метафорических переносов, связанных с названиями медведя. Сами названия имеют разное происхождение. Алтайское *айу*, тувинское *адыг* и татарское *аю* восходят к общетюркскому **адуг* ‘медведь’, в то время как в хакасском языке исходная номинация была заменена словом *аба* (отец, дед, старший в роду) в ходе табуистического переноса, что обусловлено тотемистическим культом медведя [30. С. 159]. В алтайском языке также существует данный табуистический перенос – для обозначения медведя употребляется та же самая лексема *аба* (дядя, старший брат отца), но стоит отметить, что этот эвфемизм существует параллельно с собственным названием медведя, в то время как в хакасском название медведя строго табуировано. Также алтайцы используют обращение *кайракан* (господь, бог), обращаясь к медведю «господин». В то же время некоторая степень табуированности присутствует и в остальных тюркских языках: татары уважительно называют медведя *олатай* (дедушка), *урман хужаһы* (хозяин леса); в тувинском обращаются к медведю *ирей* (дедушка), а также называют его *хайыракан* (почтительное обращение к божеству).

Анализ дефиниций лексем, ФЕ, поговорок и контекстов на материале хакасского-русского, татарского-русского, алтайско-русского и тувинско-русского переводных и фразеологических словарей [31–39] показывает, что представители народов Южной Сибири воспринимают медведя следующим образом: а) как отца, старшего в роду (тув. *ирей* – дедушка; алт. *аба* – отец; хак. *таг кизи* букв. «горный человек», т.е. дикий первопредок человека); б) как хозяина леса, господина (хак. *аба тойын итпезе, таг ээзи тарынар* – «если не сделать медвежий праздник, то горный хозяин оскорбится»); в) как сильное, свирепое животное (алт. *айу бу ла тарый калаптанып, келген бойынча, байагы мөйшү аар-калап тамаштарыла аймай алды* – медведь тут же, рассвирепев, обхватил тот самый кедр своими огромными лапами); г) как косолапого, неуклюжего зверя (алт. *айу алчайта берттир* – медведь ушел, переваливаясь).

Как «медведей» в данной группе языков характеризуют людей со следующими чертами характера или особенностями внешности: а) сме-

лый человек (тат. *аба чүректіг* – бесстрашный, смелый, т.е. с медвежьим сердцем); б) сильный, огромный человек (алт. *койу кара сагалду, айудый бөкө, кылык-жангы кату, иштенкей* – он с густой черной бородой, сильный как медведь, характером строгий, работающий); в) свирепый, суровый (*adıylajı aysun* ‘быть свирепым как медведь’ [40. С. 10]; алт. *Адынай эмегеннин кызы качарда, ол эмеген бажына аткан айудый, атыланып чыккан дежет* – когда дочь старухи Адынай выходила замуж, та женщина рассвирепела, словно медведь, которому прострелили голову). Также в тувинском языке зооним *мажалай* (шутл. медведь) используется для характеристики толстого человека.

У южно-сибирских народов охота на медведя является сакральным ритуалом и кардинально отличается от охотничьих традиций, характерных для русско- и англоязычных культур. Охота на медведя до самого последнего времени не воспринималась как развлечение; с одной стороны, она велась ради выживания, с другой – была сильно ритуализована, представляя собой опыт духовного познания, обряд единения мира человека с животным миром. В культуре тюрков Южной Сибири поведение охотника регулировалось особыми правилами, которые передавались из поколения в поколение и неукоснительно соблюдались. Так, например, перед отъездом охотники приглашали друг друга в гости, настраивались на будущую охоту – запрещалось ссориться и проявлять какие-либо негативные эмоции [41]. Кроме того, части тела медведя (шкура, когти, внутренние органы) использовались в различных обрядах и народной медицине. Например, хакасы верили, что если заикающийся человек съест кусочек медвежьего языка, он сможет излечиться [42]. Для культур Сибири вообще характерно такое явление, как медвежий праздник, – сложный многоступенчатый ритуал, связанный с тотемистическим культом. У тюрков он не так развит, как у дальневосточных народов; тем не менее, явные следы тотемистического медвежьего культа прослеживаются в обычаях и обрядах, что, разумеется, сильно сказывается на образе медведя в языковой картине мира.

Заключение

Таким образом, мы видим, что в метафоризации зоонима «медведь» в исследуемых языках обнаруживаются и универсальные, и национально специфические связи. Специфические отличия между презентацией данного концепта в русском, английском и языках Южной Сибири обусловлены рядом особенностей данных культур: в тюркской группе отчетливо прослеживается религиозная табуированность данного зоонима, что связано с распространенностью культа медведя. В русской и английской культурах отношение к медведю можно оценить как снисходительное, иногда презрительно-ласковое, в то время

как в тюркских языках отношение к медведю подчеркнуто уважительное (таблица). Также отметим, что признак «смелый», характерный для тюркской группы, полностью опровергается в русском языке признаком «пугливый», в английском языке подобных метафорических параллелей нет. В русском также присутствует признак «одинокость», который отсутствует в остальных анализируемых языках. В русском и английском также актуализируется признак «голодный, прожорливый», в тюркской группе такого переноса нет. Универсальными ассоциациями, которые лежат в основе зооморфных метафор, являются следующие характеристики медведя: сила, агрессия, неуклюжесть, большой размер. Соответственно, исследуемую зоометафору можно отнести к типу с частичным совпадением семантических компонентов. Следует также отметить, что только в русском и английском языках были найдены фразеологизмы с исследуемой зоометафорой, а также названия предметов и явлений, где «сферой-мишенью» метафорического переноса выступают неодушевленные объекты, а не человек. Для тюркских языков Сибири такие переносы зафиксированы исключительно для ботанических названий, причем в них медведь выступает, по определению И. Хауэншильд [7. С. 10–11], в символической функции, т.е. служит символом его среды обитания (лес, горная тайга). Вероятно, это также связано с табуизацией медведя.

Сравнение репрезентации концепта «медведь» в английском, русском и языках Южной Сибири

	Английский	Русский	Тюркская группа
Образ самого животного	Опасность <i>Catch the bear before you sell his skin</i> – прежде поймай медведя, а потом продавай его шкуру. <i>Don't sell the bear's skin before you've caught it</i> – не продавай медвежьей шкуру, не поймав сперва медведя	Сила <i>Медведя побороть</i> Спячка <i>силен медведь да в болоте лежит</i> Хищность <i>медведь корове не брат</i> Одинокость <i>медвежий угол</i> Пугливость <i>Медвежья болезнь</i>	Хозяин леса хак. <i>аба тойын итпе-зе, таг ээзи тарынар</i> – если не устроить медвежий праздник, хозяин горы рассердится Сила, свирепость алт. <i>кара айу</i> <i>калжуурын чыкты</i> – черный медведь разбушевался Неуклюжесть алт. <i>айу алчайта бертир</i> – медведь ушел, переваливаясь
Зооморфизация характера человека или его физических особенностей	Агрессивность <i>like a bear with a sore head</i> – словно медведь с большой головой Голод <i>Hungry as a bear</i> – голодный как медведь	Неуклюжесть (отриц.) <i>Эх, медведь! Руки – как грабли</i> Сила <i>силен как медведь</i> Одинокость <i>смотреть медведем</i>	Смелость тат. <i>аба чүрөктіг</i> – бесстрашный, букв. с медвежьим сердцем Сила алт. <i>койу кара сагалду, айудый бөкө</i> – он с

	Английский	Русский	Тюркская группа
	Грубость, неотесанность <i>He's a bear!</i> Неуклюжесть (отриц.) <i>a lumbering bear of a man</i> Неуклюжесть (положит.) <i>teddybear</i>	Неуклюжесть (положит.) <i>медвежонок</i>	густой черной бородой, сильный как медведь Свирепость <i>ол эмеген бажына аткан айудый, атый-ланый чыккан де-жет</i> – та женщина рассвирепела, словно медведь, которому прострелили голову
Артефакты и явления	Опасность (через ситуацию медвежьей охоты) <i>a bear market</i> etc. Большая величина <i>bear</i> – большой блок песчаника, подставка для наковальни; <i>bear</i> – инструмент для проделывания дыр в железе Ботаническое <i>bear-barley</i> – крупный, грубый ячмень	Сила, большая величина <i>медведка</i> Опасность, медвежья охота <i>медвежатник</i> Ботаническое: <i>медвежье ухо</i> – вид кустарника	Только ботанические хак. <i>абагады</i> – малина (букв. медвежья ягода) тув. <i>адыг-кирижи бот.</i> плющ

Данные сходства и отличия в собирательном образе медведя в этих культурах подтверждают, с одной стороны, что когнитивные процессы отчасти универсальны: во всех культурах существуют метафорические переносы, основанные на наиболее стереотипных, внешне очевидных характеристиках медведя (неуклюжесть, сила). С другой стороны, все это подчеркивает, что более сложные метафорические переносы всегда национально специфичны, что обусловлено уникальными чертами данных лингвокультур.

Литература

1. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2008. 256 с.
2. Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words (English, Russian, Polish, German, and Japanese). N.Y. : Oxford University Press, 1997. 328 p.
3. Wierzbicka A. Lingua mentalis: The semantics of natural language. Sydney ; New York : Academic Press, 1980. 368 p.
4. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры : сб. ст. М. : Прогресс, 1990. С. 5–32.
5. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. СПб. : Питер, 2000. 190 с.
6. Дыбо А.В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: лексика конкретного словаря // Слово и язык. М. : Языки славянских культур, 2011. С. 359–390.
7. Hauenschild I. Tiermetaphorik in türkischsprachigen Pflanzennamen. Wiesbaden : Harrassowitz, 1996. 199 p.

8. **Lakoff G.** The Contemporary Theory of Metaphor. Metaphor and Thought / ed. A. Ortony. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. 147 p.
9. **Гаврилюк М.А.** Зооморфная метафора в китайском и русском языках: межкультурные универсалии и национальная специфика // Вестник ИГЛУ. 2012. № 2 (19). С. 131–137.
10. **Маругина Н.И.** Конвергенция метонимии и метафоры в педагогическом дискурсе советского периода (на материале журнала «Детский дом» 1956–1959 гг.) // Язык и культура. 2016. № 4 (36). С. 65–90.
11. **Гордеева З.А.** Методика исследования зоонимов при моделировании русской языковой картины мира (на примере зоонима «кошка») // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2013. № 1. С. 71–73.
12. **Соколов В.Е.** Пятиязычный словарь названий животных. Млекопитающие. Латинский, русский, английский, немецкий, французский / под общ. ред. акад. В.Е. Соколова. М. : Рус. яз., 1984. 352 с.
13. **Лаццари М., Тюрина З.С.** Лингвокультурологический анализ компонента-зоонима «медведь» в русской и итальянской национальных языковых картинах мира // Филологический аспект. 2018. № 7 (39). URL: <http://scipress.ru/philology/articles/> (дата обращения: 28.12.2018).
14. **Словарь русского языка** : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. Т. 2: К–О. 736 с.
15. **Толстой Л.Н.** Собрание сочинений : в 22 т. М. : Худ. лит., 1978–1985. Т. 8.
16. **Забелин И.** Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях / отв. ред. О.А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2014. 1056 с.
17. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 2: Е–Муж. М. : Терра, 2008. 672 с.
18. **Adams D.Q., Mallory J.P.** The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. 1st ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. 760 p.
19. **Wright J.** The English dialect dictionary. Oxford ; New York, 1898.
20. **Allen R.E.** Allen's Dictionary of English Phrases. Penguin Books, 2008.
21. **Speake J.** The Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford : Oxford University Press, 2008.
22. **O'Regan H.J.** The presence of the brown bear *Ursus arctos* in Holocene Britain: a review of the evidence // Mammal Review. 2018. Vol. 4. P. 229–244.
23. **Alchin L.** Elizabethan bear and bull baiting // Elizabethan Era. 2017 SiteSeen Ltd. URL: <http://www.elizabethan-era.org.uk> (дата обращения: 26.01.2019).
24. **Klein Dr. Ernest.** A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language, Amsterdam : Elsevier Scientific Publishing Co., 1971.
25. **Maegan Day.** Bear, Bolshevik, buffoon, spy: The American tradition of fearing Russia // Timeline. 2016. URL: <https://timeline.com/history-fear-russia-c81656ec36a2> (дата обращения: 26.01.2019).
26. **Рябов О.В., Де Лазари А.** «Русский медведь»: История, семиотика, политика. М. : НЛЮ, 2012. 338 с.
27. **Генрих V** / пер. Е. Бируковой // Шекспир У. Полное собрание сочинений в восьми томах. М. : Искусство, 1959. Т. 4. С. 371–491.
28. **Хрусталева Д.** Происхождение «русского медведя» // Новое литературное обозрение. 2011. № 1. С. 137–152.
29. **Clay M.** The History of the Teddy Bear. Teddy Bear & Friends // Madavor Media, LLC. 2002. URL: <http://www.teddybearandfriends.com/> (дата обращения: 26.01.2019).
30. **Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика.** М. : Наука, 1997. 300 с.
31. **Субракова О.В.** (ред.) Хакасско-русский словарь. Новосибирск : Наука, 2006. 1114 с.

32. **Боргоякова Т.Г.** Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. Абакан : Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 1996. 144 с.
33. **Бутанаев В.Я.** Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999. 240 с.
34. **Тенишев Э.Р.** (ред.) Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов. М. : Сов. энциклопедия, 1968. 648 с.
35. **Хертек Я.Ш.** Тувинско-русский фразеологический словарь. Кызыл : Тувин. кн. изд-во, 1975. 204 с.
36. **Хертек Я.Ш.** Русско-тувинский фразеологический словарь. Кызыл : Тувин. кн. изд-во, 1985. 300 с.
37. **Татарско-русский** словарь : в 2 т. Казань : Магариф, 2007.
38. **Байрамова Л.К.** Учебный тематический русско-татарский фразеологический словарь. Казань : Татар. кн. изд-во, 1991. 158 с.
39. **Чумакаев А.Э.** (ред.) Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.
40. **Древнетюркский** словарь / под ред. В.М. Надеяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. Л. : Наука, 1969. 676 с.
41. **Буриаков В.А.** Медведь в традиционном мировоззрении хакасов // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/medved-v-traditsionnom-mirovozzrenii-hakasov> (дата обращения: 28.01.2019).
42. **Бутанаев В.Я.** Медведь по воззрениям хакасов // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 65–67.

Сведения об авторах:

Дыбо Анна Владимировна – доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор в Институте языкознания (Москва, Россия). E-mail: adybo@mail.ru

Никуленко Екатерина Владимировна – аспирант филологического факультета, преподаватель факультета иностранных языков Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: scarlett-katrin@mail.ru

Поступила в редакцию 24 марта 2019 г.

THE ZOOMORPHIC METAPHOR “BEAR” IN RUSSIAN, ENGLISH AND THE LANGUAGES OF SOUTHERN SIBERIA

Dybo A.V., D.Sc. (Philology), member of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: adybo@mail.ru

Nikulenko E.V., PhD Student (Philology), Lecturer of the Department of Foreign Languages, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: scarlett-katrin@mail.ru

DOI: 10.17223/19996195/45/6

Abstract. The paper is devoted to the comparative study of the zoomorphic metaphors including the zoonym “bear” in the Russian, English, Tatar, Khakass, Tuvian, and Altai languages. It analyzes the most prominent features of the metaphors as well as its classification based on the type of semantic correlation of the metaphor’s elements. The purpose of this paper is to detect common and special national mechanisms of metaphorization in the given languages and to explain these phenomena within the ethnolinguistic approach. Zoomorphic metaphor studies play a crucial role in cognitive linguistics as such metaphors tend to preserve in a language for a lengthy period of time, which helps scientists to study the cognitive mechanisms that affect language evolution throughout its history. It is believed that zoomorphic metaphors appear due to the human disposition to explore the world constantly comparing it to our bodies, feelings and mind. That is why one of the main features of those meta-

phors is its semantic duality: a man is compared to a beast and a beast is compared to a man at the same time, so we describe the way animals look like and behave with the words we usually describe people or their dwellings and tools. The associations between the image of a man and the image of an animal underlie the formation of a metaphor. Those associations are divided into two types: a) universal associations which can be found in all or in the majority of the languages studied and b) special associations. Today zoomonym studies are particularly important for conducting research of the linguistic picture of the world. A zoomonym encodes the key cultural, psychological and social features common for a particular language community and its culture. It is also obvious that such metaphors are always emotionally marked as the image at the core of a particular metaphor is the most typical, recognizable and easy-to-decipher for a native speaker. Through metaphor studies we can detect the universal cognitive mechanisms shared by representatives of different language communities and cultures. For example, when we call a person a “bear” we usually refer to their atypical height or weight, and this type of zoomorphic metaphor can be found in most languages, provided that the representatives of those language communities know what a bear is. On the other hand, comparing the language data gathered from different language families we cannot deny that special national mechanisms of metaphorization are predominant, which proves that each language community is unique not only in terms of its culture, but also their language and, consequently, cognition.

Keywords: zoomorphic metaphor; zoomonym; concept; the linguistic picture of the world.

References

1. Lakoff D., Johnson M. (2008) *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. M.
2. Wierzbicka A. (1997) *Understanding Cultures through Their Key Words* (English, Russian, Polish, German, and Japanese). New York: Oxford University Press.
3. Wierzbicka A. (1980) *Lingua mentalis: The semantics of natural language*. Academic Press. Sydney/New York.
4. Arutyunova N.D. (1990) *Metafora i diskurs* [Metaphor and discourse] / N.D.Arutyunova // *Teoriya metafori : sb. statej*. M.: Progress. pp. 5-32.
5. Glazunova O.I. (2000) *Logika metaforicheskikh preobrazovanij* [The logic of metaphor transformations] / O.I.Glazunova. SPb.: Piter.
6. Dybo A.V. (2011) *Semanticheskaya rekonstruktsiya v altajskoj etimologii: leksika konkretnogo slovary* [The semantic reconstruction in altai etymology: the vocabulary] // M.: *Jazyki slavyanskikh kul'tur*. pp. 359-390.
7. Hauenschild I. (1996) *Tiermetaphorik in türksprachigen Pflanzennamen*. Wiesbaden: Harrassowitz.
8. Lakoff G. (1993) *The Contemporary Theory of Metaphor*. Metaphor and Thought. Ed. A. Or-tony. – Cambridge: Cambridge University Press.
9. Gavrilyuk M.A. (2012) *Zoomorfnaya metafora v kitajskom i ruskom jazykakh: mezhjazykovye universalii i national'naya spetsifika* [The Chinese and Russian zoomorphic metaphors: interlanguage universals and national specifics] // *Vestnik IGLU*. 2 (19). pp. 131-137.
10. Marugina N.I. (2016) *Konvergenciya metonimii i metafori v pedagogicheskom diskurse sovsetskogo perioda (na materiale zhurnala "Detskij dom" 1956-1959 gg.)* [Convergence of metonymy and metaphor in the pedagogical discourse of the soviet period] // *Jazyk i kul'tura – Language and Culture*. 4(36). pp. 65-90.
11. Gordeeva Z.A. (2013) *Metodika issledovaniya zoonimov pri modelirovanii russkoj jazykovoj kartiny mira (na primere zoonima "koshka")* [Methodology of studying the words which name animals in modelling Russian language picture of the world] / Z.A. Gordeeva // *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. 1. pp. 71-73.

12. Sokolov V.E. (1984) Pyatijazychnyj slovar' nazvanij zhivotnykh. Mlekopitayushchie. Latinskij, russkij, anglijskij, nemetskij, frantsuzskij [Five-language dictionary of animals' names. Mammals. Latin, Russian, English, German, and French] / pod obshej redaktsiej akad. V.E. Sokolova. M.: Rus. jaz.
13. Latstsari M., Tyurina Z.S. (2018) Lingvokul'turologicheskij analiz komponenta-zoonima "medved'" v russkoj i ital'janskoj natsional'nykh jazykovykh kartinakh mira [Linguistic and cultural analysis of the component-zoonym "bear" in Russian and Italian national language pictures of the world] // Filologicheskij aspekt. 7 (39) URL: <http://scipress.ru/philology/articles/> (Accessed: 28.12.2018)
14. Slovar' russkogo jazyka: V 4-kh t [The dictionary of the Russian language in 4 volumes] (1999) / RAN, In-t lingvistich. issledovanij; Pod red. A. P. Evgen'evoj. 4-e izd., ster. M.: Rus. jaz.; Poligrafresursy. Vol. 2.
15. Tolstoj L.N. (1978-1985) Sobranie sochinenij [The complete works]: v 22 t. M.: Khudozhestvennaya literatura.
16. Zabelin I. (2014) Domashnij byt russkikh tsarej v XVI i XVII stoletiyakh [The daily life of Russian tsars in 16th and 17th centuries] / Otv. red. O. A. Platonov. M.: Institut russkoj tsivilizatsii.
17. Fasmer M. (2008) Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka. Tom 2 [The etymological dictionary of Russian. Volume 2]. E-Muzh. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka v 4-kh tomakh. M.: Terra.
18. Adams D.Q., Mallory J.P. (2006) The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. Oxford University Press.
19. Wright J. (1898) The English dialect dictionary. Oxford – NY.
20. Allen R.E. (2008) Allen's Dictionary of English Phrases. Penguin Books.
21. Speake J. (2008) The Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford University Press.
22. O'Regan H.J. (2018) The presence of the brown bear *Ursus arctos* in Holocene Britain: a review of the evidence / Mammal Review, Vol. 4. pp. 229-244.
23. Alchin L. (2017) Elizabethan bear and bull baiting // Elizabethan Era. Siteseen Ltd URL: <http://www.elizabethan-era.org.uk> (Accessed: 26.01.2019)
24. Klein E. (1971) A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language, Amsterdam: Elsevier Scientific Publishing Co.
25. Day M. (2016) Bear, Bolshevik, buffoon, spy: The American tradition of fearing Russia // Timeline URL: <https://timeline.com/history-fear-russia-c81656ec36a2> (Accessed: 26.01.2019)
26. Ryabov O.V., De Lazari A. (2012) "Russkij medved'": Istoriya, semiotika, politika ["The Russian bear": history, semiology, politics]. M.: NLO.
27. Genrikh V. (1959) Perevod E. Birukovoj // Shekspir U. Polnoe sobranie sochinenij v vos'mi tomakh [The complete works of Shakespeare in 8 volumes]. M.: Iskusstvo. Vol. 4. pp. 371-491.
28. Khrustalyov D. (2011) Proiskhozhdenie "russkogo medvedya" [The origin of "Russian bear"] // Novoe literaturnoe obozrenie. 1. pp. 137-152.
29. Clay M. (2002) The History of the Teddy Bear. Teddy Bear & Friends. // Madavor Media, LLC URL: <http://www.teddybearandfriends.com/> (Accessed: 26.01.2019)
30. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh jazykov. Leksika (1997) [The historical and comparative grammar of the Turkic languages. Vocabulary]. M.: Nauka.
31. Subrakova O.V. (2006) Khakassko-russkij slovar' [Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk: Nauka.
32. Borgoyakova T.G. (1996) Kratkij khakassko-russkij frazeologicheskij slovar' [A short Khakass-Russian dictionary]. Abakan: Izdatel'stvo KhGU im. N.F. Katanova.
33. Butanaev V.Ya. (1999) Khakassko-russkij istoriko-etnograficheskij slovar' [Khakass-Russian historical and ethnographical dictionary]. Abakan.
34. Tenishev E.R. (1968) Tuvinsko-russkij slovar' [Tuvinian-Russian dictionary]. M.: Sovetskaya ehntsiklopediya.

35. Khertek Ya.Sh. (1975) Tuvinsko-russkij frazeologicheskij slovar' [Phraseological Tuvinian-Russian dictionary]. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo.
36. Khertek Ya.Sh. (1985) Tuvinsko-russkij frazeologicheskij slovar' [Phraseological Tuvinian-Russian dictionary]. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo.
37. Tatarsko-russkij slovar': v 2-kh tomakh (2007) [Tatar-Russian dictionary in 2 volumes]. Kazan': Magarif.
38. Bajramova L.K. (1991) Uchebnyj tematicheskij russko-tatarskij frazeologicheskij slovar' [Thematic phraseological Russian-Tatar dictionary for learners]. Kazan': Tatarskoe kn. izd-vo.
39. Chumakaev A.E. (2018) Altajsko-russkij slovar' [Altai-Russian dictionary]. BNU RA NII altaistiki im. S. S. Surazakova. Gorno-Altajsk.
40. Drevnetyurkskij slovar' [Old Turkic dictionary] (1969) / Pod red. V. M. Nadelyaeva, D. M. Nasilova, E. R. Tenisheva, A.M. Scherbaka. L.: Nauka.
41. Burnakov V.A. (2012) Medved' v traditsionnom mirovozzrenii khakasov [Bear in traditional outlook of khakasos] // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/medved-v-traditsionnom-mirovozzrenii-hakasov> (Accessed: 28.01.2019).
43. Butanaev V. Ya. (2000) Medved' po vozzreniyam khakasov [The bear in perception of khakasos] // Narody Sibiri: istoriya i kul'tura. Medved' v drevnikh i sovremennykh kul'turakh Sibiri. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. pp. 65-67

Received 24 March 2019